

Мария Трофимова

Тени моего мира

Мария Трофимова

Тени моего мира

<https://litres.ru/74338458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она не знала, что её жизнь — ложь. Что мир, в котором она живёт, — всего лишь ссылка. Что люди, которых она боится, когда-то боялись её.

Он не знал, что его предал тот, кого он называл братом. Что его доверие стоило ей памяти, а ей — свободы.

Теперь они встретились в мире, где магия — миф, а сила — пустой звук. У них нет ничего, кроме отголосков прошлого и странного чувства, что они когда-то были друг другу ближе, чем кто-либо.

Чтобы вернуться, Алина должна вспомнить. Чтобы выжить, Денис должен ей довериться. Но у них нет выбора. Там, в Запределье, их ждёт тот, кто разрушил их жизни. И он уже знает, что они живы. Там уже готовятся к их возвращению. И тени прошлого тянутся за ними следом

Начинается игра. Правила просты: либо ты вспоминаешь и побеждаешь, либо забываешь и исчезаешь навсегда.

«Тени моего мира» — история о том, как трудно вернуться туда, где тебя уже похоронили. И как легко стать той, кого боятся.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мария Трофимова

Тени моего мира

Глава 1

Глава 1

Зима в этом городе была липкой. Не снежной, не красивой — просто мокрой, серой, с противным ветром, который забирался под воротник и не отпускал до самого дома. Алина ненавидела такие вечера. Когда слякоть хлупает под ногами, автобусы переполнены, а руки мёрзнут даже в перчатках, потому что перчатки — дешёвые, с дырками на пальцах.

Она шла от метро к дому. Обычный маршрут, который она прошла тысячи раз. Мимо ларька с шаурмой, мимо аптеки, мимо остановки, где всегда кто-то курил. Сегодня курил парень в чёрной куртке — обычный парень, обычный вечер. Алина даже не посмотрела на него.

Одни и те же мысли сверлили её изнутри, не давая дышать. Заезженная пластинка: работа, унижительная вспышка начальника, тишина коллег, за которой она чувствовала осуждение. И липкое, тошнотворное чувство от того, что она опять не смогла отказать. Опять.

Она думала о маме. О вчерашнем звонке, который закончился криком. О том, что её мать никогда не была довольна.

Ничем. Никем. Особенно — дочерью. О том, что завтра будет то же самое. И послезавтра. И через год. И что она, кажется, начинает с этим свыкаться — а это самое страшное.

Алина шла и снова, в который уже раз, прокручивала в голове сценарии. Те самые, которые, как назло, приходят всегда потом — когда поздно, когда ситуация уже случилась, когда обидные слова прозвучали, обида уже проглочена, а нужный ответ рождается лишь на пороге дома. Слишком поздно. Как всегда.

Девушка каждый раз мысленно репетировала ответ начальнику — на тот случай, если он снова сорвётся изза чужой ошибки. Она миллион раз прокручивала в голове картину, как не будет прятать взгляд, не будет съёживаться или оправдываться дрожащим голосом. Представляла, как спокойно и твердо встречает его взгляд:

«— Сергей Викторович, я попрошу вас сбавить тон — мы всётаки на работе. И в будущем, прежде чем обвинять меня, выясните, кто действительно виноват. Я не готова быть вашей личной девочкой для битья»

Алина рисовала в воображении эту сцену: вот она заходит в курилку — не робко, не стараясь стать незаметной, а с едва уловимой усмешкой, будто всё происходящее её лишь слегка забавляет. Её взгляд неторопливо скользил по «девочкам», что вечно шептались у неё за спиной, перемывая косточки её гардеробу, личной жизни и одиночеству. В этом взгляде читалось тихое превосходство — словно она виде-

ла их насквозь: пустые сплетни, мелочные интересы, отчаянную жажду чужих драм, чтобы хоть как-то раскрасить собственные серые будни. Она медленно проходила мимо, и в этой неторопливости читалось главное — ей нечего доказывать этим людям. Пусть шепчутся сколько угодно: их слова не задевали, не ранили, просто не дотягивались до неё.

И мама. Это было самое болезненное — рана, которая не затягивалась годами.

Алина знала этот диалог наизусть, до последнего вздоха, до каждой интонации. Мамин голос — с укоризной, с привычным, отточенным годами «а вот у других — не то, что у тебя». Каждый раз эти слова впивались все глубже и глубже, потому что за ними всегда стояло одно: мама не видела в ней человека. Она видела в ней лишь проект, который не удался. Дочь, которая не оправдала ЕЕ ожиданий. Не такую, как хотелось. Не ту...

И Алина прокручивала в голове этот разговор — снова и снова, бесконечно, как человек, который возвращается к одной и той же боли, в надежде на то, что однажды она сама вдруг пройдет. Она бы не стала кричать. Крик — это слабость, мама сразу услышит в нём подтверждение своей правоты. Нет. Она бы говорила тихо, почти шёпотом, таким тоном, от которого становится холодно и даже страшно:

— Мама, послушай. Я не буду такой, как ты. И не буду такой, как ты хочешь. Моя жизнь — не твоя вторая попытка. Я - не исправление того, что у тебя не сложилось. Если ты

способна услышать меня — настоящую, а не выдуманную — я рядом. Если нет, я уйду. Не со зла. Просто, потому что не могу больше жить тобой выдуманную жизнь.

И в трубке повисла бы тишина. Густая, тяжёлая, незнакомая. Тишина, в которой мама впервые осталась наедине не с обидой на дочь, а с собой — с осознанием того, что она сделала со своим ребенком, с тем, кем сама стала, как годами растила рядом с собой человека, которого никогда не существовало.

Алина прокручивала эти сценарии снова и снова. Каждое слово выверяла, каждую интонацию, каждый взгляд. Она почти чувствовала вкус этой победы — терпкий, сладкий, пьянящий.

Но всё это было только в её голове.

Потому что на деле она знала: она никогда не сможет этого сказать. Ни начальнику. Ни коллегам. Ни матери.

Она откроет рот — и из него вместо ледяного спокойствия вылетит жалкое «извините» или «я поняла». Она посмотрит на коллег и отвернётся — как всегда, сделав вид, что не слышала. Она ответит маме: «Да, мам, ты, как всегда, права» — просто чтобы побыстрее закончить этот разговор и не чувствовать себя виноватой ещё сильнее, чем уже чувствует.

И от этого знания — от этого бездонного пропастного понимания собственной слабости — на душе становилось так погано, что хотелось быть в голос. Прямо посреди улицы, под этим липким снегом, при свете жёлтого фонаря.

Потому что страшнее всего — не когда тебя обижают. А когда ты знаешь, что у тебя есть слова, есть сила, есть право — и ты всё равно молчишь. Когда ты предаёшь себя сама, снова и снова, по сто раз на дню.

Алина сжала кулаки в карманах пальто. Пальцы онемели от холода — или от злости, она уже не различала.

«Вот почему я такая?» — промелькнуло в голове, как всегда, как заезженная пластинка, которую уже тошнит слушать.

Она смотрела на мокрый асфальт и понимала, что эти сценарии никогда не станут реальностью. Но почему-то продолжала прокручивать их. Снова и снова. Всю дорогу до дома. Все тысячу шагов от метро до подъезда.

Может быть, потому что иначе — если перестать прокручивать — то внутри останется совсем пусто.

И она шла дальше. Поворот налево, ещё сто метров. Дом уже видно — серая панельная свечка, грязный подъезд с выбитым стеклом.

Она остановилась у скамейки. Прямо под фонарём, который жёлто-белым пятном вырезал мокрый асфальт.

«Мне не хочется туда возвращаться», — подумала Алина и удивилась собственной мысли.

В квартире её никто не ждал. Никто не включил свет, никто не спросил: *«Как день?»* — не потому, что не заботятся, а потому что там просто никого. Только стены. Только вещи. Только чайник, который она щёлкает сама. Только те-

левизор, который она включает для фона, чтобы не слышать пустоты.

Она стояла и смотрела на мокрый двор. Снег — грязный, подтаявший, перемешанный с песком — лежал по краям тротуара. Машины стояли в ряд, спящие, молчаливые. Где-то лаяла собака, где-то хлопнула дверь подъезда.

И вдруг ей стало остро, до боли в груди, понятно: она не на своём месте.

Вот это чувство — когда надеваешь чужой свитер, и он велик, и руки тонут в рукавах, и ты выглядишь в нём смешно, и каждый, кто видит тебя, понимает: эта вещь — не твоя. Она точно так же чувствовала себя в собственной жизни.

Здесь что-то было не так. Не с работой. Не с мамой. Не с коллегами. С ней. С ней самой. Потому что она, сама того не заметив, строила жизнь из чужих ожиданий. Из «так надо». Из «так принято». Из «чтобы не расстраивать маму». Из «чтобы начальник не уволил». Из «чтобы коллеги не думали плохо».

А где была она? Где было то, чего хочется ей по-настоящему?

Она закрыла глаза. Вдохнула влажный, противный воздух с запахом выхлопных газов и жареного мяса из ларька. И поняла, что если бы кто-то сейчас спросил: «Чего ты хочешь?» — она бы не ответила.

Она бы знала, чего *не хочет*: не хочет завтра идти в этот офис, не хочет слышать мамин голос, не хочет пить чай в

одинокости, не хочет чувствовать себя приложением к чужой жизни.

Но чего *хочет* — она не знала.

Может быть, именно это и было самым страшным. Не начальник. Не мама. Не коллеги. А то, что внутри — зияющая пустота, в которую она боится заглянуть. Потому что, если заглянуть, можно увидеть, что там ничего нет. Или — что там целый мир, который она похоронила за своим вечным «всё нормально».

Она поёжилась. Поправила шарф — дешёвый, синтетический, который колот шею.

Парень в чёрной куртке ушёл. Остановка опустела.

Алина повернулась к дому. Сделала шаг. Остановилась.

«А если я не пойду?» — мысль вспыхнула, как искра на ветру, дерзкая, почти отчаянная. «Если просто развернусь и уйду? Прямо сейчас. В метро, на вокзал, в другой город — всё равно. В этом пальто, с этой сумкой, без плана, без денег, без объяснений...»

Сердце ёкнуло — и вдруг забилось иначе: не тяжело, не в такт усталости, а быстро, жадно, будто уже бежало впереди неё. В этом ударе была не паника, а надежда — чистая, острая, как первый глоток морозного воздуха. Казалось, мир на секунду замер, поджидая её решения, и в этой паузе звенело предвкушение: вот оно, сейчас всё изменится.

Она постояла ещё минуту — она тянулась, как липкий снег под ногами, но теперь в этой тягучести чувствовалось

напряжение перед прыжком, перед чемто новым. Каждая секунда будто становилась тяжелее от ожидания, и в то же время — легче, потому что в ней уже жила свобода. Ещё шаг — и всё пойдёт подругому.

Внезапно, без крика, без свиста ветра, без единого звука, нарушившего эту серую тишину. Просто в двух шагах от неё, прямо на мокрый асфальт, рухнуло тело.

Алина застыла. Мир будто выключился на долю секунды — ни мыслей, ни вдоха, только ледяная пустота и эта нелепая, страшная картина перед глазами.

Девушка медленно осмотрелась в поисках места. Откуда он мог упасть. Но рядом не было высотных домов, только старые трёхэтажки, и ни одно окно не было открыто. Может, с дерева? Но деревья стояли голые, их ветки не выдержали бы даже птиц.

Мужчина лежал на боку. Грязный, худой, в рваной куртке. Длинные волосы слиплись от грязи, щетина покрывала поллица. Он выглядел как бомж, которых много в этом районе.

Алина хотела пройти мимо. Правда хотела. Она не знала, как помочь такому человеку. Вызвать скорую? Но он дышал. Она видела, как поднимается его грудь.

Позвать прохожих? Но их не было. Только она и мокрый асфальт.

Она сделала шаг вперёд.

И в этот момент он открыл глаза.

Это было странно. Потому что у него не были глаза чело-

века, который спит на улице. У него были глаза человека, который видел то, что другим недоступно. Они были яркими, почти светящимися в этом сером вечере. И он смотрел на неё так, будто искал. Будто узнавал.

Она застыла.

— Ты... — прошептал он. Его голос был хриплым, как будто он не говорил долгое время. — Слава богу, это ты?

Алина моргнула.

— Что? — выдохнула она. — Ты откуда вообще взялся? Друг, ты живой вообще?

Он попытался приподняться, но его руки подкосились. Он снова упал на локоть и выругался — негромко, сквозь зубы, но в этом звуке было столько силы, что Алина вздрогнула.

— Послушай, — сказала она, сама не зная, зачем говорит. — Ты можешь встать? Я... я не знаю, куда тебя проводить, но... мне кажется, тебе нельзя здесь оставаться. Здесь холодно. Ты замёрзнешь.

Он поднял на неё глаза.

— Ты меня не боишься? — спросил он.

— Боюсь до чертиков — честно сказала Алина. — Но еще я больше боюсь, что ты умрёшь здесь, а я буду винить себя в этом всю жизнь.

Он не ответил. Он просто смотрел на неё и, кажется, впервые за долгое время улыбнулся — криво, слабо, но улыбнулся.

— Помоги мне встать, — сказал он. — Я... я тебе всё

объясню. Только не сейчас. Сейчас я не могу говорить долго. У меня почти нет сил.

Алина с трудом сглотнула, пытаясь прогнать ком в горле. Внутренний голос надрывался, кричал, царапал сознание: «Остановись! Он чужой! Грязный! Он буквально свалился с неба — это ненормально!» Но вопреки всему, вопреки здравому смыслу, её рука сама собой потянулась вперёд — медленно, будто преодолевая невидимую тяжесть. И когда его пальцы сжали её ладонь, она почувствовала что-то странное. Тепло. Не от его руки — она была холодной. А откуда-то изнутри. Как будто он касался её не рукой, а чем-то другим.

— Я Алина, — сказала она.

— Знаю, — ответил он. — Я Денис. И я знаю, кто ты на самом деле.

Он помолчал, не отпуская её руки, и добавил — тише, почти шёпотом:

— Алин, пора домой. Нам срочно нужно вернуться обратно. Только без тебя я не справлюсь...

Глава 2

Глава 2

Слова повисли в воздухе. «Домой». «Обратно».

Она не понимала, о чём он, но почему-то не могла заставить себя спросить. Девушка во все глаза уставилась на Дениса. В голове роились мысли: «Боже, псих какой-то». Но ноги не двигались. Не потому, что страх сковал — страха не было. Было что-то другое. Что-то в нём — в этом чужом, грязном, свалившемся из неоткуда человеку — было до боли знакомым. Родным.

Головой девушка понимала, что правильным было бы скорее бежать от него, мало ли что. Какие еще тараканы у этого человека, но Алина как будто приросла к месту. Она смотрела на него во все глаза и пошла... пошла домой, краем глаза отмечая, что Денис плетется позади.

Она привела его в свою квартиру.

Это был маленький закуток на первом этаже старой хрущёвки. Тесная прихожая, кухня, где можно было развернуться только если повернуться боком, и две комнаты со старыми диванами. Конура — так Алина называла это про себя. Алина знала, что квартира выглядит убого. Но она не могла оставить его на улице. Не после того, как он свалился из ниоткуда, да еще и утверждает, что знает её.

Мы молча сидели на кухне. В голове роилось множество

вопросов — не только к этому незнакомцу, внезапно свалившемуся на меня, но и к самой себе. «Алина, ты с ума сошла? Ты его не знаешь. Кто он? Откуда? Псих? Маньяк? А ты взяла и привела его домой». И всё же где-то в глубине теплилось что-то — не надежда даже, а робкая мысль: а вдруг это правда.

Денис стоял у подоконника, сжимая кружку с чаем. Не пил — только держал, будто грелся. Он странно не вписывался в эту кухню: большой, сильный, он заполнял собой всё пространство. И пусть выглядел как бездомный — грязный, обросший, — в нём чувствовалась порода. Взгляд человека, привыкшего повелевать.

Алина стояла напротив, прислонившись к холодильнику, и пыталась понять, что она вообще делает.

— Ты сказал, что знаешь, кто я на самом деле. И что нам пора домой, — начала она. — Что ты имел в виду? Ты уверен, что я — именно та, кого ты ищешь? Судя по шишке на лбу, тебя хорошо приложило. Ты вообще понимаешь, что всё сказанное тобой звучит как бред?

— Нет, — его голос был тихим, но твёрдым. — Это не бред. Я Дэнис Дан-Ар-Эн, Правитель Запределья. Но ты... — он чуть запнулся, — всегда называла меня Денис. И это, если честно, жутко бесило. Никто другой себе этого не позволял.

На секунду в нём прорезалось что-то звериное — быстрая, недобрая усмешка. И тут же ушло вглубь.

— Ты — Алина. Ты тоже оттуда. Когда-то я отправил тебя

сюда. Потому что думал, что ты предала меня. — Он замолчал. И добавил, тише: — Теперь я знаю, что ошибался.

Алина моргнула. Она хотела рассмеяться, сказать, что он сумасшедший. Но она не могла. Потому что что-то внутри неё — давно забытое, спрятанное — отозвалось на его слова.

— Ты рехнулся, — сказала она, но голос её дрогнул.

— Возможно, — он поднял на неё глаза. — Но если я не безумен, тогда правда в том, что я тебя предал. И горько за это заплатился. Но те, кто отправил меня сюда, рассчитывали, что мы оба погибнем. И если мы не вернёмся, то никто не узнает правды.

Она смотрела на него. На его измученное лицо, на глаза, которые всё ещё сохраняли странный, потусторонний свет. Он был грязным, худым и выглядел как безумец. Но она верила ему. Сама не знала почему, но ... верила. А внутренний голос вопил: «Это бред. И если ты веришь — значит, и ты, наконец-то, съехала с катушек». Она продолжила.

— Допустим, — медленно сказала она. — Допустим, я поверю. Что дальше? Как мы вернёмся? И что это вообще за мир — это ваше Запределье?

Денис отставил кружку. Впервые за всё время он смотрел не на неё, а куда-то сквозь — будто видел перед собой что-то, чего не было в этой тесной кухне.

— Запределье... — начал он, и уже одно это слово прозвучало иначе. Мягче. Будто он произносил имя близкого человека. — Ты спрашиваешь, что это за мир. Я отвечу. Только

ты не перебивай. Потому что, если я остановлюсь — боюсь, не смогу начать снова.

Он провёл ладонью по лицу, будто стирая усталость.

— Представь небо. Не такое, как здесь — серое, низкое, будто придавленное. А высокое. Такое, что, если долго смотреть, начинает кружиться голова. Солнце там не слепит — оно греет. Всё время. Даже когда идёт дождь, ты чувствуешь его тепло на коже. А дождь там... — он чуть улыбнулся, и на этот раз улыбка вышла настоящей, — дождь там тёплый. Как парное молоко. И пахнет не сыростью, а чем-то живым. Травой, мёдом, землёй после долгой жажды.

Он замолчал на секунду, будто прислушиваясь к чему-то далёкому.

— Земля там дышит. Я не говорю красиво — она правда дышит. Под ногами чувствуешь, как она живая. Реки не просто текут — они поют. Ветер не просто дует — он разговаривает. И люди там... — он поднял глаза на Алину, — люди там другие. Не потому, что лучше. А потому, что помнят. Помнят, что мир — не просто место, где ты ешь и спишь. Мир — это то, что тебя создало. И если ты к нему с уважением — он ответит.

Он оттолкнулся от подоконника и сделал шаг к столу. Голос его стал тише, но в этой тишине было больше силы, чем в крике.

— Магия там не диковина. Не цирк. Не то, чем хвастаются перед соседями. Это... как дыхание. Если ты умеешь

дышать — ты просто дышишь. Не гордишься этим. Не прячешь. Просто живёшь. Но тех, в ком дар сильнее обычного — тех уважают. Не боятся. Уважают. Потому что они — часть мира. Его голос. Его руки.

Он остановился напротив неё.

— Есть семьи, в которых дар передаётся от поколения к поколению. Как цвет глаз. Как форма рук. Но есть одна семья, в которой дар... больше. Он не просто передаётся — он живёт. Это мой род. Дан-Ар-Эн. Мы правим Запредельем не потому, что захватили трон. А потому, что мир сам выбрал нас. Много поколений назад. И с тех пор мы не просто правители. Мы — стражи. Мы слышим, что шепчет земля. Что поёт вода. Что говорит огонь. Что шепчет ветер. Мы можем взять любую из четырёх стихий — и она подчинится. Можем стать зверем. Можем сделать зверем камень. Можем...

Он запнулся. Посмотрел на свои руки — грязные, исцарапанные. И тихо закончил:

— Можем многое. Но не всё.

Он поднял на неё глаза, и в них снова вспыхнул тот самый потусторонний свет.

— А потом появилась ты.

Пауза. Долгая. Он будто собирался с силами.

— Сначала никто не понял. Ребёнок как ребёнок. Но потом ты стала взрослеть — и вот тогда началось. Сначала вода. Ты могла успокоить реку одним словом. Потом огонь — ты не обжигалась. Совсем. Потом воздух. Потом земля. Каж-

дый год — новый дар. Каждый год — твоя сила росла. Мы проверяли. Долго. Тщательно. Ты не из нашего рода. Ни по крови, ни по знаку. Но ты владела всем. Понимаешь? Всем. Тем, что нам достаётся по праву рождения, ты овладела сама. Без учителей. Без книг. Просто потому, что оно было в тебе.

Он смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Мы не могли тебя оставить. Не потому, что боялись. А потому, что... — он подыскивал слово, — потому что ты была чудом. Настоящим. И мы решили тебя учить. Сделать тебя придворным магом. Сильнейшим из всех. Ты должна была стать... — он усмехнулся, но без горечи, — должна была стать тем, кем я никогда не был и не смог бы стать при всем желании. Тем, кто может больше, чем просто править. Тем, кто может понять сам мир.

Он замолчал. И добавил, уже совсем тихо, почти шёпотом:

— Так мы и познакомились.

Он опустил взгляд.

— У меня нет магии здесь. Она заблокирована. Но я знаю, как её разбудить. Тебе придётся вспомнить. Всё. Кем ты была. Что случилось. Почему я отправил тебя сюда. И тогда мы сможем вернуться.

— А если я не захочу вспоминать?

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула боль.

— Тогда ты останешься здесь. Навсегда. И никогда не узнаешь, что могла быть другой. Сильной. Свободной. Той,

кто заслуживал лучшего...

Затем он замолк. Надолго. Так долго, что она успела услышать, как бьётся её собственное сердце. — И я останусь...
Здесь... В этом мире...

Без магии.

Без силы.

Я буду медленно умирать...

День за днём.

Пока не останется ничего.

Глава 3

Глава 3. Две недели — два мира

Тьма.

День первый. Денис

Он пришёл в себя на земле.

Холодной, мокрой, с противным запахом выхлопных газов и прелой листвы. Небо над ним было серым — не просто пасмурным, а выцветшим, будто кто-то вылил на него ведро грязной воды и забыл размешать. Он не понимал, где он. Но знал одно: его выбросили. Насильно. Безжалостно. Как мусор.

Он попытался встать. Тело не слушалось. Внутри было пусто — так пусто, что он слышал собственное сердце, и оно билось глухо, как в пустой комнате. Магия выжжена. Стержень вырван. Он был просто телом. Грязным, слабым, беспомощным... чужим.

Он лежал на асфальте и смотрел в небо. Где-то там, за этой серой пеленой, был его мир. Солнце. Тёплый дождь. Земля, которая дышит. Он закрыл глаза и попытался вспомнить — но образы ускользали, как вода сквозь пальцы. Только запах. Слабый, почти неразличимый — запах старого дерева и нагретого камня. И тут же исчез.

Потом он почувствовал, что кто-то приближается. Силуэт на фоне серого неба. Женщина.

Она наклонилась над ним. И он узнал её, но никак не мог в это поверить.

Алина.

Она смотрела на него так, будто видела впервые. Она не знала, кто он. Не помнила. Конечно, не помнила — он сам приговорил её к этой ссылке, стёр часть её памяти, чтобы она не страдала. А теперь лежал перед ней — беспомощный и грязный — и не мог произнести ни слова.

Она помогла ему встать. Привела в свой дом. Напоила чаем. Укрыла пледом. Смотрела с недоверием, но не выгнала.

Он не знал, что чувствовать. Стыд? Благодарность? Боль?

Он сидел на её кухне, сжимал кружку — и не мог понять, почему она такая тёплая. В его мире чай пили из других чаш. Лёгких, почти невесомых, с рисунком, который менялся в зависимости от настроения того, кто держал. Здесь чашка была тяжёлой, простой, белой. И чай был другим. Горьким. Терпким.

Он сделал глоток. И поморщился.

— Не нравится? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Просто... другой.

Она не стала спрашивать, какой. Просто села напротив и стала смотреть, как он пьёт. И в этом взгляде было столько всего — недоверие, страх, любопытство, — что он опустил глаза.

Он знал одно: он должен выжить. Вернуться. Найти правду. И — возможно — исправить свою самую большую ошибку.

ку.

Но сначала — просто дожить до утра. В этом чужом, сером, холодном мире.

День первый. Алина

Она привела его домой, хотя весь её разум кричал: это безумие.

Он сидел на её кухне, пил чай, и его глаза — странные, светящиеся в полумраке — не отпускали её. Она хотела задать тысячу вопросов, но он почти не говорил. Только смотрел — как будто видел что-то, чего она не замечала.

Она всё-таки спросила. Немного. Кто он. Откуда. Почему оказался на улице.

Он ответил. Коротко. Скупое. Как будто каждое слово давалось ему с трудом. Сказал, что его зовут Дэнис Дан-Ар-Эн. Что он из другого мира — Запределья. Что там есть магия, есть люди, которые ею владеют. Что его род правит уже много поколений. И что она — Алина — тоже оттуда. Была одной из них.

Она слушала и не верила. Но что-то внутри неё — глубоко, под слоем усталости и недоверия — отзывалось на его слова. Слабо. Почти неслышно. Но отзывалось.

Больше он не сказал ничего. Только сжал кружку так, что побелели пальцы, и замолчал.

Она не стала давить. Просто села напротив и стала смотреть, как он пьёт. И в этом взгляде было столько всего — недоверие, страх, любопытство, — что он опустил глаза.

Она легла спать с чувством, что совершила огромную ошибку. Но почему-то ей не хотелось, чтобы он ушёл.

За окном шёл дождь. Серый, мелкий, бесконечный. Как её жизнь.

Она лежала и слушала, как он дышит в соседней комнате. Тихо. Ровно. И от этого дыхания в квартире становилось не так пусто. Она сама не поняла, как заснула.

А когда заснула — увидела сон.

Высокие окна. Свет, падающий с потолка — не такой, как здесь. Тёплый, золотистый, живой. Чьи-то руки, показывающие ей знак — она не помнила, какой. Голос — незнакомый, но почему-то родной. Он смеялся. Потом — тишина.

Она проснулась до будильника. Сердце колотилось. За окном всё ещё было серо. Она лежала и смотрела в потолок, пытаясь удержать сон. Но он ускользал. Как вода сквозь пальцы.

«Что это было?» — подумала она.

Ответа не было.

День второй. Денис

Он проснулся на диване и долго лежал, глядя в потолок. Воспоминания прошлого вечера вихрем пронеслись в его голове — Темнота. Вспышка. Холод, который не был холодом воздуха — он шёл изнутри, из выжженной пустоты, где раньше жила магия.

И она.

Алина.

Та, которую он считал потерянной навсегда. Та, что, по его собственному приговору, разрушила его мир. А теперь — как в плохой сказке — всё, что от него осталось, зависело от неё.

Потолок был белым, с трещинами. В его мире потолки были высокими, резными, покрытыми золотом. Здесь всё было серым, маленьким, тесным. Он чувствовал себя запертым в клетке.

Денис встал и попытался пройти несколько шагов. Тело слушалось плохо. Он опирался на стену и чувствовал, как дрожат руки. Он ненавидел свою слабость. В его мире он был сильным. Он был правителем. А здесь он был никем — просто грязным, беспомощным человеком.

Он снова подошёл к окну. Долго смотрел на улицу. Машины, люди, вывески, шум. Этот мир был чужим и пугающим. Но он не мог позволить себе бояться. Нужно найти способ вернуться.

Он заметил, что Алина ушла. Он остался один в этой маленькой квартире. Тесной, как чулан. В его дворце были казематы — холодные, сырые, для тех, кто провинился. Он никогда там не был. А теперь жил в таком. Он открыл шкафчик на кухне, посмотрел на продукты. Хлеб, яйца, какая-то крупа. Он не знал, как все это готовить. В его мире еду готовили слуги, и она была иной — лёгкой, прозрачной, почти воздушной. Здесь всё казалось грубым.

Он взял кусок хлеба, разломил его и долго смотрел на

него, держа в ладони. Он не привык есть такое. Но он съел. Потому что надо было выжить.

Хлеб был сухим. Крошки падали на стол. Он смотрел на них и чувствовал, как внутри поднимается что-то похожее на отчаяние. Он — правитель Запределья — сидит на чужой кухне и ест сухой хлеб. Как нищий. Как бездомный. Как никто.

Он сжал кулаки. И заставил себя дышать.

Потом снова подошёл к окну. Долго смотрел на улицу. На людей, которые шли мимо. Никто не смотрел на него. Никто не знал, кто он. И это было самое страшное.

День второй. Алина

Она сидела на работе и не могла сосредоточиться.

Работа шла мимо. Она кивала, подписывала, отвечала на звонки — и не помнила ни одного слова. Перед глазами стояло его лицо. Его глаза. Его голос, который сказал: «Я знаю, кто ты».

Она говорила себе: бред. Больной человек, сбежал откуда-то. Но пальцы сами сжимались в кулаки, когда она вспоминала его голос. И внутри что-то дрожало — как струна, которая вот-вот оборвётся.

Она пришла домой и увидела, что он стоит у окна и смотрит на улицу. Он обернулся, и она заметила, что он стал бледнее, чем был утром.

— Ты ел? — спросила она.

— Немного — ответил он.

Она молча поставила перед ним тарелку с супом. Он посмотрел на неё с удивлением, но начал есть. Медленно, неловко, как будто забыл, как это делается.

Она села напротив и спросила:

— Ну правда, откуда ты взялся? Я хочу знать. Что с тобой стряслось?

Он поднял на неё глаза и сказал:

— Я говорил вчера. Я из другого мира. Меня выбросили сюда. И без тебя я не смогу вернуться обратно.

Она хотела рассмеяться, но не смогла. Потому что он не шутил.

Ночью она снова увидела сон. На этот раз — руки. Много рук. Они что-то делали — плели, ткали, рисовали. И она среди них. Она тоже что-то делает. И у неё получается. Легко. Радостно. Как будто она всегда это умела.

Она проснулась с ощущением, что что-то потеряла. Но не знала что.

За окном всё ещё было серо. Но где-то на краю неба — она заметила это, сама не поверив, — проступила тонкая полоска света. Бледная, почти неразличимая. Но она была.

День третий. Денис

Он нашёл в квартире книги. Они были старыми, потрёпанными, но он мог читать. И это помогало ему не сойти с ума от этого мира. Он узнавал его — через слова, через истории, через людей, которые жили здесь. Он пытался понять, как устроен этот мир, какие здесь правила, как здесь говорят

и что считается нормальным.

Но главное — он понял, что этот мир отвергает чужое. Он не принимает тех, кто отличается. И он понял, что Алина — тоже чужая. Она не знает этого, но она всегда была другой. И он видел, как она страдает — оттого, что не может вписаться в мир, который её не принимает.

Он начал её наблюдать. Не как правитель — как человек, который видит чужую боль. Он видел, как она молчит на работе, как закрывается от подруги, как злится на мать. Он видел, как она боится перемен и цепляется за привычный хаос.

Он хотел помочь ей, но не знал как. Потому что для этого ей нужно было вспомнить. А он сам лишил её памяти.

День третий. Алина

В понедельник, на третий день, к ней зашла подруга Лена. Она работала с Алиной в одном офисе, знала её уже пять лет и умела читать её настроение по одному взгляду.

— Ты какая-то бледная, — сказала Лена, скидывая пальто на стул. — Нормально спишь?

— Нормально, — соврала Алина. Она знала, что не умеет врать Лене, но не могла сказать правду.

— А почему у тебя дверь на два замка закрыта? Ты раньше так не делала.

— Просто... спокойнее.

Лена нахмурилась, но ничего не сказала. Она прошла на кухню, заварила чай, и они сидели за столом, как сотни раз до этого. И вдруг Лена замерла.

— Алина, а у тебя кто-то живёт? Я видела мужскую куртку в прихожей.

Алина сжала кружку так, что побелели пальцы.

— Это... я нашла на улице. Мне показалось, что она пригодится.

— Нашла? — Лена посмотрела на неё с недоверием. — Ты что, в дом принесла вещи с улицы? Ты в своём уме?

— Я хотела отдать в благотворительность, — Алина почувствовала, как её голос становится неуверенным. — Завтра отнесу.

Лена не поверила. Это было написано у неё на лице. Но она не стала давить. Только перед уходом задержалась в дверях и сказала:

— Слушай, Алин. Если что-то случилось — ты скажи. Я не буду тебя осуждать. Но если ты привела в дом какого-то мужика с улицы — я серьёзно, ты понимаешь, что это опасно? Он может быть больным, может быть преступником, может быть кем угодно.

— Я понимаю, — тихо ответила Алина.

— Тогда выгони его, — сказала Лена. — Сегодня же. Пожалуйста.

Она ушла, оставив Алину с тяжёлым чувством в груди. Алина смотрела на закрытую дверь и думала о том, что Лена права. Это было безумие. Она сама не знала, зачем оставила его.

Но когда она вошла в комнату и увидела его спящим,

укрытым пледом, с лицом, которое во сне становилось мягче, она почувствовала что-то, чего не могла объяснить. Ей было страшно. Но почему-то не за себя. За него.

День четвёртый. Алина

Она не спала почти всю ночь.

После ухода Лены в квартире осталась какая-то пустота, хотя Денис всё ещё был здесь, в соседней комнате. Алина лежала на своей узкой кровати, смотрела в потолок и перебирала в голове слова подруги.

«Ты изменилась... Ты ходишь как будто не здесь...»

Она провела ладонью по лицу. Лена была права. Что-то действительно менялось. Она чувствовала это, но не могла назвать. Это было похоже на зуд под кожей — не физический, а какой-то внутренний. Как будто она стояла на пороге чего-то, но не решалась переступить.

Она повернулась на бок и посмотрела в сторону двери, за которой спал Денис. Он был там. Чужой, странный, нелепый в этой обстановке. И всё же его присутствие не казалось ей неправильным. Наоборот — она вдруг поймала себя на мысли, что без него в квартире стало бы слишком тихо. Слишком пусто.

Она тут же одёрнула себя.

«Ты с ума сошла? Ты ничего о нём не знаешь. Он мог быть кем угодно. Он упал с неба, говорит, что знает тебя, что ты — не отсюда. А ты сидишь и думаешь, что без него пусто?»

Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шёл.

День пятый. Денис и Алина

Она встала рано, когда за окном было ещё серо. Заглянула в комнату — Денис спал, свернувшись калачиком, и его лицо во сне казалось почти беззащитным. Она постояла в дверях, глядя на него, и вдруг поймала себя на мысли, что хочет знать, что ему снится.

Она вышла на кухню, заварила кофе и села за стол. В голове крутился один и тот же вопрос: «Что я делаю?»

Она вспомнила, как приводила в дом предыдущих мужчин. Как верила им, как позволяла себе думать, что вот он — тот самый. И каждый раз оказывалось, что она ошиблась. Она выбирала не тех. Слишком громких, слишком тихих, слишком уверенных или слишком сомневающихся. Она не могла понять, что с ней не так. Почему она постоянно притягивает людей, которые либо не готовы, либо не способны быть рядом.

Она думала о Денисе. Он был другим. Он не пытался казаться лучше, не говорил красивых слов, не обещал ничего. Он просто был. Был рядом, молчал, иногда смотрел так, что у неё перехватывало дыхание, но ничего не просил. Это было странно. И это одновременно успокаивало и пугало.

Она сделала глоток кофе и почувствовала, как внутри поднимается что-то тёплое. Она запретила себе это чувство, заставила его замереть.

«Не надо. Ты всегда так делаешь — привязываешься, а потом страдаешь. Он не останется. Он сам сказал — он хочет

вернуться. Ты для него — просто временное убежище».

Но мысль о том, что он уйдёт, вдруг показалась ей невыносимой. Она отодвинула чашку и встала из-за стола.

Она вышла в прихожую и наткнулась на его куртку. Она висела на крючке, потрёпанная, грязная, но Алина вдруг заметила, что ткань была странной. Она переливалась в тусклом свете лампочки, как будто в ней были вплетены тонкие серебряные нити. Она поднесла руку, чтобы потрогать, но в этот момент услышала шаги.

Денис стоял в дверях комнаты.

— Не трогай, — сказал он негромко. — Это может быть опасно.

Она отдёрнула руку.

— Что это?

— Моя одежда. Из моего мира. Она защищает от некоторых вещей. Но она очень слаба сейчас. Без магии она почти ничего не стоит.

Она посмотрела на него. Он стоял, опираясь на стену, и его лицо всё ещё было бледным, но в глазах появилась какая-то искра, которой не было вчера.

— Ты лучше выглядишь, — сказала она.

— Я начинаю восстанавливаться, — ответил он. — Ты помогаешь мне.

— Я? Я ничего не делаю.

— Ты даёшь мне покой. В этом мире много шума. Я не

могу с ним справиться. А рядом с тобой — могу.

Она почувствовала, как тепло разливается по груди. Она хотела сказать что-то, но слова застряли в горле.

— Иди, поешь, — сказала она. — Я сварю тебе кашу.

Он кивнул и медленно прошёл на кухню. Она смотрела, как он садится за стол, как берёт ложку, и вдруг поняла, что это чувство — которое она так старалась заглушить — уже не уходит. Оно было внутри неё. И она не знала, что с ним делать.

Она стояла у плиты и мешала кашу. Спиной она чувствовала его взгляд, но не оборачивалась. Она знала, что, если обернётся, то увидит что-то, с чем не сможет справиться.

— Алина, — сказал он. — Ты боишься меня?

Она замерла.

— Нет, — ответила она, не оборачиваясь. — Я боюсь себя.

Он ничего не ответил. Она услышала, как его ложка звякнула о тарелку.

— Это нормально, — сказал он. — Бояться себя. Это первый шаг к тому, чтобы стать собой.

Она обернулась. Он смотрел на неё, и его взгляд был тёплым. Она не знала, что это — магия, правда или просто её воображение, но в этот момент она почувствовала, что он видит её. Настоящую. Ту, которую она сама не знала.

— Я не хочу снова ошибаться, — сказала она. — Я всегда выбираю не тех. И я боюсь, что ты — очередная ошибка.

Он медленно покачал головой.

— Я не ошибка, — сказал он. — Но я не буду тебя убеждать. Ты должна решить сама.

Она повернулась обратно к плите, чтобы скрыть лицо. Ей нужно было подумать. Ей нужно было время.

Она вышла на кухню и застала его стоящим у окна. Он смотрел на улицу, на серое небо, на голые деревья. Она подошла к нему и встала рядом.

— Ты хочешь вернуться, да? — спросила она.

— Да, — сказал он, не оборачиваясь.

— Там, где ты был, тебя ждут?

Он повернулся к ней. Его лицо было серьёзным.

— Меня ждёт правда. Там, где я был, меня предали. И я должен понять, кто и почему.

— А если я не захочу идти с тобой?

— Я не могу заставить тебя, — сказал он. — Это твой выбор. Но если ты не пойдёшь, ты никогда не узнаешь, кем ты была. И кто ты есть на самом деле.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри неё поднимается волна. Страх, любопытство, боль и надежда — всё смешалось в один комок.

— Я боюсь, — сказала она.

— Я тоже, — ответил он. — Но я здесь. И я не уйду без тебя.

Она ничего не сказала. Просто стояла рядом с ним у окна и смотрела на город, который больше не казался ей родным.

День шестой. Денис

Он начал выходить на улицу. Сначала просто во двор, потом — на соседнюю улицу. Он смотрел на людей, на их лица, на их движения. Он чувствовал себя невидимкой. Никто не смотрел на него. Никто не замечал. Он был слишком чужим, чтобы привлекать внимание.

Но в глубине души он искал — искал тех, кто мог бы быть таким же, как он. Тех, кто тоже был сослан сюда, кто тоже искал путь домой. Он знал, что они есть. В этом городе, в этой серой массе, жили те, кто когда-то был сильным, а теперь — никем.

Он не знал, как их найти. Но он чувствовал — они здесь.

Он вернулся домой, сел на диван и закрыл глаза. Он искал магию. Хотя бы искру. Хотя бы слабый отклик.

И он почувствовал. Слабый, почти неощутимый — но он был. Где-то далеко. Он не мог понять, откуда, но это давало ему надежду.

Он вышел на улицу не потому, что хотел. Потому что не мог больше сидеть в четырёх стенах. Тишина квартиры давила, а шум мира — пугал. Но он должен был научиться жить в этом теле, в этом мире, если хотел вернуться.

Он стоял во дворе, вдыхая холодный воздух. Он пах иначе — выхлопными газами, мокрым асфальтом, чем-то чужим и чуждым. Денис закрыл глаза и попытался вспомнить свой мир. Запах старого дерева, влажной земли, камня, нагретого солнцем. Он не мог удержать это воспоминание — оно ускользало, как вода сквозь пальцы.

Он пошёл по улице. Его шаги были неуверенными, но он шёл. Он смотрел на людей, но они не смотрели на него. Он был для них никем — просто странным мужчиной в потрёпанной одежде. И это было хорошо. Ему не нужно было, чтобы его замечали.

Он искал. Не глазами — чем-то другим. Тем, что осталось от его магии. Той магии, которую он почти потерял.

Он закрыл глаза на мгновение и прислушался к себе. Внутри него было пусто. Но где-то глубоко, на самом дне, теплилась искра. Он научился чувствовать её — она была похожа на слабый свет, который не гаснет, даже когда вокруг тьма.

— Я знаю, что ты здесь, — прошептал он. — Ты должен быть здесь. Я чувствую тебя.

Он не знал, кого ищет. Но он знал, что есть человек, которого он сослал в этот мир по ошибке. Так же, как и Алину. Тот, кто не был виновен. Тот, кто мог помочь ему вернуться.

Он открыл глаза и пошёл дальше.

И он нашел его. Это был мужчина лет пятидесяти, с седой щетиной и усталыми глазами. Он стоял у киоска с газетами, держал в руках старую книгу и смотрел на неё так, будто она была единственным, что связывало его с жизнью.

Денис остановился в нескольких шагах и почувствовал — это он. Та самая искра, которую он искал. Она была слабой, почти угасшей, но она была.

Мужчина поднял голову и посмотрел на Дениса. На мгно-

вание в его глазах мелькнуло узнавание. А потом — страх.

— Ты, — сказал он хрипло. — Ты жив.

— Здравствуй, Арсений, — сказал Денис. — Я знал, что найду тебя.

Мужчина отступил на шаг, сжал книгу так, что побелели пальцы.

— Я не хочу с тобой говорить. Ты оставил меня здесь. Ты отправил меня сюда.

— Я знаю, — сказал Денис. — И я хочу это исправить.

Арсений усмехнулся — горько, зло.

— Исправить? Ты думаешь, это можно исправить? Я живу здесь десять лет. Я потерял всё. Свою жену, свой дом, свою силу. Я стал никем.

— Я тоже, — сказал Денис. — Меня скинули сюда. Выбросили как мусор. Так же, как ты. Я не знаю, кто это сделал, но я хочу найти правду. И мне нужна твоя помощь.

Арсений смотрел на него долго, тяжело. Затем он опустил книгу и сказал:

— Зачем мне помогать тебе? Что мне с этой правды? Вернёт она мне жену? Дом на прежнем месте поставит? Силу мою в жилы вольёт? Я десять лет глотаю эту горечь, Денис. Она уже не жжёт — она стала частью меня. Зачем мне ворошить всё это снова?

Денис не отвёл взгляда. — Не ради тебя, может быть, — тихо сказал он. — А ради того, чтобы тот, кто это сделал, не смог сделать то же самое с кем-то ещё. Ты говоришь, что стал

ником. Но я вижу человека, который помнит, кем он был. А тот, кто помнит, — ещё не пропал.

Арсений усмехнулся, но в этот раз в усмешке не было ни злости, ни горечи — только усталость. Он провёл ладонью по обложке книги, будто стирая с неё пыль лет.

— Ты красиво говоришь, парень. Слишком красиво для этого места. Здесь слова не лечат. Здесь они только напоминают о том, чего больше нет.

— Зато напоминают, — спокойно ответил Денис. — А иногда этого достаточно, чтобы сделать первый шаг. Я не прошу тебя идти со мной до конца. Просто скажи, помнишь ли ты хоть что-то странное из тех дней, когда всё рушилось. Любой пустяк. Любой взгляд, который показался не к месту. Любой шёпот в коридоре.

Арсений уставился в пустоту перед собой, и в его взгляде мелькнуло то, что он столько лет пытался спрятать. Он сглотнул, словно слова царапали горло, и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Я помогу тебе, Денис. Но сначала скажи... Алина жива?

Денис кивнул.

— Она жива, — сказал он. — Она здесь. Я нашёл её. Она не помнит меня. Она не помнит ничего. Но она жива.

Арсений закрыл глаза, и на его лице проступило странное, почти отчаянное облегчение — будто он наконец позволил себе выпустить наружу то, что годами сжимало грудь.

— Она была моей ученицей, — тихо произнёс он, не открывая глаз. — Единственной, кто верил в меня, когда все остальные уже махнули рукой. Когда ты отправил её сюда... я думал, что мир рухнул. Я хотел умереть. Но не мог. Потому что должен был защитить её. Любой ценой.

Денис замер, чувствуя, как внутри всё сжимается от тяжести этих слов. Он хотел возразить, что всё было не так... но язык словно прилип к нёбу. Вместо этого он хрипло спросил:

— От чего? От кого?

Арсений медленно открыл глаза. В них не было упрёка — только глубокая, выжженная годами усталость.

— От них, — повторил он, и в этом «них» прозвучала вся тяжесть мира. — От тех, кто всё это затеял. Они знали, что она невиновна. Но именно поэтому она была опасна. Она видела то, чего не должна была видеть. Слышала то, что нельзя было слышать. Знала слишком много. А такие люди... им не дают шанса всё рассказать.

Денис подался вперёд, голос его дрогнул:

— Кто эти «они»? Ты хоть имя знаешь? Хоть что-то? Я отправил её сюда, да, но я не хотел её смерти. А они... они что, рассчитывали, что я её казню?

Арсений кивнул.

— Может, и рассчитывали. Или просто хотели убрать её с дороги любым способом. Для них главное — чтобы она замолчала. А как — неважно. И когда стало ясно, что казни не будет, они решили, что нельзя рисковать. Нельзя оставлять

свидетеля.

Холод пробежал по спине Дениса, сковывая мышцы, заставляя дышать реже. Он сжал кулаки, будто пытаясь удержать внутри рвущуюся наружу ярость.

— Значит, это не случайность, — глухо произнёс он. — Не стечение обстоятельств. Это был расчёт. Чья-то воля. Чьи-то приказы.

Арсений кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сочувствие — но не к себе, а к Денису, только что осознавшему, в какую паутину он сам невольно впутался.

Арсений горько усмехнулся:

— Ты думал, что ты главный, Денис. Но ты был просто пешкой. Ты думал, что правишь. Но тобой управляли. И до сих пор управляют.

— И пока мы сидим тут и говорим об этом, они продолжают делать то, что умеют лучше всего. Убирать тех, кто мешает...

Денис вернулся в квартиру Алины поздно вечером. Он был бледнее обычного, и его руки слегка дрожали.

Она сидела на кухне, пила чай, ждала его. Увидев его состояние, она нахмурилась.

— Денис, что-то случилось? — спросила она.

Он посмотрел на неё и понял, что не может сказать ей правду. Не сейчас.

— Я нашёл друга, — сказал он. — Он поможет мне.

— Откуда ты знаешь, что он поможет? — спросила она.

— Вдруг он опасен?

— Он был моим другом, — сказал Денис. — И он был твоим учителем.

Алина замерла.

— Моим учителем?

Он кивнул.

— Ты не помнишь, но у тебя был учитель. Он научил тебя тому, что ты умеешь. Он верил в тебя.

— Он здесь? — спросила она.

— Да, — сказал Денис. — Он здесь. И он хочет тебя увидеть.

Алина почувствовала, как внутри поднимается волна — страх, любопытство, надежда.

— Я не знаю, готова ли я, — сказала она.

— Ты готова, — сказал он. — Ты всегда была готова. Ты просто боишься.

Она смотрела на него, и в её глазах была борьба. Но он видел — она согласится.

День седьмой. Денис и Арсений

Они встретились на окраине города, в заброшенном парке, где деревья росли криво, а скамейки давно сгнили. Денис пришёл первым. Он стоял у старого фонаря, который не горел уже несколько лет, и ждал. Внутри него было пусто, но он знал — Арсений придёт.

Арсений появился через десять минут. Он шёл медленно, опираясь на палку, и выглядел более уставшим, чем в про-

шлую встречу. Но в его глазах горела та же искра, что и у Дениса.

— Ты выглядишь лучше, — сказал Арсений, останавливаясь в нескольких шагах.

— Я начинаю восстанавливаться, — ответил Денис. — Но этого недостаточно. Мне нужна твоя помощь.

Арсений усмехнулся.

— Ты говоришь так, будто у меня есть выбор. Но я здесь, потому что я тоже хочу вернуться. Я хочу увидеть свой дом, свою жену. Я хочу, чтобы они знали, что я жив.

— Я помогу тебе, — сказал Денис. — Но сначала я должен знать, кому можно доверять.

Арсений медленно кивнул.

— В этом мире есть те, кто был сослан так же, как мы. Они живут среди людей, но не принадлежат им. Я знаю троих, кому можно доверять. Они не предадут, потому что они тоже хотят вернуться.

— Как я могу им доверять? — спросил Денис.

— Ты должен проверить их, — сказал Арсений. — Магия не исчезает полностью. Она ослабевает, но не уходит. Если они всё ещё хранят искру — они наши.

Денис закрыл глаза и сосредоточился. Он снова почувствовал ту самую слабую вибрацию, которую ощутил, когда встретил Арсения.

— Я чувствую их, — сказал он. — Но они далеко.

— Они ближе, чем ты думаешь, — сказал Арсений. —

Они ждут сигнала. Ждут, когда кто-то скажет им, что пора действовать.

— Тогда я сделаю это, — сказал Денис. — Но для начала я должен знать, как попасть обратно. Что конкретно должна сделать Алина?

Арсений помолчал. Затем он сел на сгнившую скамейку и посмотрел на Дениса.

— Алина — ключ, — сказал он. — Ты знаешь это. Её отправили сюда не случайно. Она была не просто обвинена в преступлении. Она была единственной, кто знал, как открыть портал.

— Открыть портал? — Денис нахмурился. — Но это запрещено. Мы никогда не использовали порталы для возвращения.

— Потому что никто не знал, как их открыть, — сказал Арсений. — Ты думал, что магия — это всё. Но магия — это только часть силы. Алина могла то, что не мог никто. Она могла видеть структуру мира. И если она вспомнит это — мы сможем вернуться.

Денис почувствовал, как холод пробежал по спине.

— Значит, её отправили сюда не из-за того, что она была виновна. А потому что она была сильной.

— Именно, — сказал Арсений. — Её боялись. И те, кто боялся, использовали тебя, чтобы избавиться от неё.

Денис сжал кулаки.

— Кто это сделал?

— Я не знаю, кто стоит за всем этим, но я знаю, кто стоит за ссылкой Алины. «Ты знаешь его», — сказал Арсений. — Твой ближайший советник. Тот, кто всегда был рядом. Это Игорь.

Денис стоял молча, переваривая услышанное. Внутри него что-то оборвалось — не резко, а с тупой, тянущей болью, как будто кто-то вырвал кусок его души.

Игорь.

Он вспомнил его мальчишкой — они росли вместе, ели вместе, учились драться, защищали друг друга. Игорь был старше на три года и всегда казался Денису старшим братом, которого у него никогда не было. Он учил его не сдаваться, когда было больно, и не верить первому, кто говорит ласковые слова. Игорь стоял рядом, когда Денис потерял отца. Он держал его за плечи, когда Денис впервые занял трон. Он был тем, кому Денис доверял больше, чем себе.

— Игорь, — повторил Денис, и голос его дрогнул. — Не может быть. Мы выросли вместе. Он знал меня лучше, чем я сам. Он не мог...

Он не договорил. Горло сдавило, и он почувствовал, как внутри поднимается волна — не гнев, не ярость. Боль. Острая, режущая, как нож, который входит медленно и поворачивается, оставляя незаживающую рану.

Арсений смотрел на него без осуждения.

— Ты хочешь сказать, что это ложь? — спросил он тихо.

— Я хочу сказать, что не верю! — голос Дениса сорвался,

и он сам не узнал его. — Он был моим братом! Мы делили одну комнату, одну еду, одного врага! Он спас мне жизнь, когда мне было пятнадцать! Он принял удар за меня!

— И поэтому он знал, как тебя предать, — сказал Арсений спокойно. — Он знал, где твоя слабость. Он знал, что ты согласишься ему, потому что он всегда был рядом.

Денис закрыл глаза. Перед ним всплывали картинки: Игорь, улыбающийся ему у костра; Игорь, стоящий рядом на коронации; Игорь, который сказал: «Я проверю, Денис. Я найду правду». А потом — его голос, холодный и уверенный: «Алина предала тебя. Я видел доказательства. Она привела врага в твои земли».

— Ты доверял ему, — глухо сказал Арсений. — Это не делает тебя глупым. Это делает тебя человеком.

— Но я отправил её сюда! — Денис открыл глаза, и в них горела мука. — Я отправил человека, который доверял мне, в этот мир, потому что поверил тому, кого считал братом!

— Ты отправил её сюда, — повторил Арсений. — И теперь ты должен вернуть её. Но сначала ты должен принять, что Игорь предал тебя. Не потому, что ты этого хочешь. А потому, что это правда.

Денис долго молчал. Он смотрел на свои руки — они дрожали.

— Он был моим братом, — повторил он, уже тише. — И он предал меня.

Он произнёс эти слова, и они звучали как приговор. Не

Игорю. Себе.

— Что нам нужно, чтобы вернуться? — спросил он, и голос его был пустым.

— Алина должна вспомнить, — сказал Арсений. — Полностью. Без этого портал не откроется. Ты должен вернуть ей память.

— Как? Я не знаю, как это сделать. Она боится. Она не доверяет мне. И я не могу сказать ей, что её отправили сюда из-за моего доверия к предателю.

— Ты должен быть рядом, — сказал Арсений. — Не дави на неё. Просто будь рядом. Когда она будет готова, она вспомнит.

— А если она не будет готова?

Арсений поднял на него усталый взгляд.

— Тогда мы останемся здесь навсегда. И ты будешь жить с этим знанием — что ты мог вернуть её, но не сделал этого, потому что боялся её боли.

Денис вернулся домой поздно вечером. Он шёл медленно, чувствуя, как каждый шаг даётся с трудом. Внутри него была пустота — не та, что после потери магии, а та, что остаётся, когда рушится всё, во что ты верил.

Алина сидела на кухне, сжимая в руках кружку с уже остывшим кофе. Она выглядела уставшей и встревоженной. Когда он вошёл, она подняла на него глаза и сразу заметила его состояние.

— Где ты был? — спросила она.

— Я встречался с Арсением, — сказал он.

— И что он сказал?

Денис подошёл к столу и сел напротив неё. Он не смотрел на неё — он смотрел на свои руки, которые всё ещё дрожали.

— Он сказал, что ты — ключ, — сказал он. — Что ты можешь открыть портал. Что ты знала, как это сделать, ещё до того, как тебя отправили сюда.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — сказала она. — Я не помню этого.

— Знаешь, — сказал он. — Ты просто забыла. Потому что я приказал стереть твою память, чтобы ты не страдала в этом мире.

Она посмотрела на него, и в её глазах была борьба. Она хотела возразить, но что-то внутри неё остановило её.

— Я не хочу вспоминать, — сказала она.

— Я понимаю, — сказал он. — Но если ты не вспомнишь, мы не сможем вернуться. А я должен вернуться. Я должен исправить то, что сделал.

— Что ты сделал?

Он поднял на неё глаза, и она увидела в них боль.

— Я отправил тебя сюда, — сказал он. — Я поверил лжи. Я поверил тому, кто был мне братом, и не проверил правду. И я должен вернуть тебя обратно, даже если ты никогда не простишь меня.

Алина почувствовала, как внутри неё поднимается буря. Злость, боль, страх. Она хотела крикнуть ему, что не верит,

но она не могла. Потому что в его глазах была настоящая боль.

— Ты должен оставить меня здесь, — сказала она. — Ты должен позволить мне жить своей жизнью.

— Я не могу, — сказал он. — Твое место там, в Запруделье. Ты не счастлива здесь. И я не могу смотреть на это. Я не могу жить с мыслью, что ты страдаешь из-за меня.

Она отвернулась, чтобы он не увидел слёз, которые навернулись на глаза.

— И что теперь? — спросила она.

— Теперь я буду рядом, — сказал он. — Столько, сколько понадобится. И когда ты будешь готова — я помогу тебе вспомнить.

День восьмой. Алина

Она пришла с работы злая и уставшая. Начальник снова устроил разнос. Она молчала, но внутри всё кипело. Вечером позвонила мама.

— Алина, ты где была вчера? Я звонила, ты не брала трубку.

— Работа, — коротко ответила она.

— Ты всегда на работе. У тебя вообще есть жизнь? Ты когда-нибудь думала о том, что тебе уже тридцать пять, а ты одна, без мужа, без детей, работаешь за копейки и живёшь в этой конуре?

— Мам, я не хочу говорить об этом.

— А когда ты захочешь? Когда будет поздно? Ты ведь ни-

когда ничего не меняешь, Алина. Ты просто плывёшь по течению и надеешься, что кто-то тебя спасёт. Только никто не придёт. Ты должна сама...

— Я должна идти, мам.

Она сбросила звонок и села на пол, прижавшись спиной к холодильнику. Она не плакала. Она просто сидела и смотрела в одну точку, чувствуя себя пустой, как будто внутри неё не осталось ничего, кроме усталости и холода.

В этот момент Денис вышел из комнаты. Он посмотрел на неё и медленно, с трудом, опустился на пол рядом.

— Твоя мать? — спросил он.

— Ты слышал?

— Да. Стены тонкие.

— Я не могу с ней говорить. С каждым разом всё хуже.

— Ты злишься на неё? — спросил он.

— Нет. Я злюсь на себя. За то, что позволяю ей так со мной говорить.

Она села на кухне и долго смотрела на стену. Денис вошёл, сел напротив.

— Ты злишься, — сказал он.

— Я всегда злюсь, — ответила она. — Просто не показываю.

— Это неправильно, — сказал он. — Ты не должна прятать это.

— А что мне делать? Уйти? Кричать? Мне всё равно никто не поверит. Никто не поймёт.

— Я пойму, — сказал он.

Она подняла на него глаза. Он смотрел на неё без осуждения. Просто смотрел и ждал.

Он не сказал «она неправа». Он просто сидел рядом, молчал, и это молчание было теплее любых слов.

И она начала говорить. О работе. О маме. О себе. О том, что она чувствует себя не на месте. О том, что устала бояться.

Он слушал. Молча. Тихо. И когда она закончила, он сказал:

— Ты не такая, как они, Алина. Ты никогда не была такой. И это не плохо.

Она не ответила. Но впервые за долгое время ей стало легче.

День девятый. Алина

Она проснулась рано, как всегда. Но в этот раз что-то было иначе.

За окном всё тот же серый город, всё та же слякоть, всё те же звуки — где-то лает собака, хлопает дверь подъезда, проезжает машина. Но Алина смотрела на это и чувствовала, что мир стал чужим.

Не Денис был чужим в её мире. Она стала чужой в нём.

Она встала, налила чай и села за стол. В голове крутились мысли — вчерашние, сегодняшние, те, что она отгоняла все эти дни. Она думала о работе. О том, что снова пойдёт туда, где её не ценят. Где начальник будет кричать, коллеги —

молчать, а она — терпеть. О том, что её жизнь похожа на бесконечный серый круг, из которого нет выхода.

Она вспомнила, как вчера Лена спросила её: «Ты счастлива?» И она не смогла ответить. Потому что она не знала, что такое счастье. Она знала только, как терпеть, как ждать, как надеяться, что завтра будет лучше. Но завтра никогда не наступало.

Она смотрела на свои руки. Обычные руки. Немного уставшие, с сухой кожей. И вдруг ей показалось, что они должны быть другими. Более сильными. Более уверенными.

— Что со мной? — прошептала она.

Она не заметила, как Денис вошёл на кухню. Он стоял в дверях и смотрел на неё — осторожно, как на дикого зверя, который может убежать в любой момент.

— Ты не спишь? — спросил он.

— Я не могу спать, — ответила она. — Я не могу перестать думать.

Он сел напротив. Ей показалось, что он стал выглядеть лучше — более живым, более настоящим.

— О чём ты думаешь? — спросил он.

Она подняла на него глаза.

— О том, что я не знаю, кто я. Я живу эту жизнь, но она не моя. Я работаю, терплю, жду, но я не чувствую себя живой. А ты пришёл и сказал, что я была кем-то другим. Сильной. Важной. И я не знаю, верить ли тебе, но... если это правда, то я хочу знать, кого я потеряла.

Он молчал, глядя на неё.

— Я хочу вспомнить, — сказала она. — Но я боюсь.

— Чего ты боишься? — спросил он тихо.

— Что я не понравлюсь себе, — ответила она. — Что я была не той, кем хотела быть. Что я стану чужой для себя.

Он медленно покачал головой.

— Ты не станешь чужой, — сказал он. — Ты станешь собой. Настоящей. И это может быть страшно, но это лучше, чем жить в тени.

Она смотрела на него, и в её глазах была борьба.

— А если я вспомню и возненавижу тебя? — спросила она.

Он опустил голову.

— Это твоё право, — сказал он. — Я заслужил это. Но я хочу, чтобы ты знала: я не тот, кто предал тебя. Я тот, кто ошибся. И я готов искупить это.

Она долго молчала. Затем она встала, подошла к окну и посмотрела на серое небо.

— Я сделаю это, — сказала она. — Я вспомню. Не ради тебя. Ради себя.

Она повернулась к нему.

— Но если я узнаю, что ты лгал мне, — сказала она, и её голос был твёрже, чем она ожидала, — я уйду. Навсегда.

Он кивнул.

— Я принимаю это, — сказал он.

Она почувствовала, как внутри неё что-то меняется. Как

будто она сделала первый шаг в новую жизнь. Не в ту, что была раньше, а в ту, которая ждала её за гранью памяти.

День десятый. Денис

Он проснулся раньше Алины. Сам не понял, почему — просто открыл глаза, и сна больше не было. За окном стоял всё тот же серый свет, но впервые за эти дни он не показался Денису враждебным.

Он лежал на диване, смотрел в потолок с трещинами и прислушивался к своему телу. Оно всё ещё было чужим, непослушным, но уже не таким чужим, как неделю назад. Он мог ходить, не держась за стену. Мог спускаться по лестнице, не считая каждую ступеньку. Мог есть обычную пищу, не морщась.

Это была мелочь, но Денис ухватился за неё. В этом мире, где он был никем, даже такая малость ощущалась как победа.

Он встал, умылся ледяной водой и посмотрел на себя в зеркало. Из отражения на него глядел человек, которого он пока не знал. Не правитель Запределья, не тот, кто отдавал приказы и нёс ответственность за тысячи жизней. Просто мужчина с усталым лицом и щетиной, который пытался выжить в чужом мире.

«Игорь, — вдруг всплыло в голове. — Он знал, что ты слаб. Знал, что ты поверишь ему».

Денис сжал край раковины. Пальцы побелели.

Он запретил себе думать об этом. Не сейчас. Сейчас нужно было другое — нужно было стать сильнее. Хотя бы на-

столько, чтобы смотреть Алине в глаза и не чувствовать, как внутри всё сжимается от вины.

Он оделся, вышел в прихожую и остановился у её двери. Она ещё спала. Он слышал её дыхание — тихое, неровное, как будто ей снилось что-то тревожное.

«Я не уйду без тебя», — подумал он. — Но я не знаю, как тебя не потерять».

Он не стал её будить. Взял с крючка свою куртку — ту самую, с серебряными нитями, — и впервые за долгое время вышел на улицу без внутренней дрожи.

Город встретил его шумом. Но теперь он не пугал. Он просто был. Денис шёл по улице и смотрел на людей. Кто-то спешил, кто-то курил у подъезда, кто-то говорил по телефону, не замечая ничего вокруг. Он больше не чувствовал себя невидимкой. Он чувствовал себя тем, кто учится жить заново.

И это было почти приятно.

Арсений ждал его в том же заброшенном парке. Сидел на скамейке, положив палку рядом, и смотрел куда-то вдаль. Денис подошёл и молча сел рядом.

Несколько минут они молчали. Было слышно, как где-то над головой шумит ветер в голых ветках.

— Ты пришёл, — сказал Арсений, не оборачиваясь.

— Ты не сомневался?

— Сомневался. Но надеялся.

Денис хмыкнул.

— Это уже что-то.

Арсений повернул голову и окинул его внимательным взглядом. В его глазах всё ещё было недоверие, но оно уже не было таким колючим, как в прошлую встречу.

— Ты выглядишь живым, — сказал он. — Это хорошо. В нашем положении дохлых не любят.

— Я учусь, — сказал Денис. — Ходить, есть, не бояться машин.

Арсений усмехнулся.

— Машины — это мелочь. Вот люди — похуже будут.

— Люди везде одинаковые.

— Нет, — Арсений покачал головой. — Здесь они другие. Они не видят магии. Не чувствуют силы. Им нужно что-то простое: работа, еда, тепло. Если ты не вписываешься — они тебя не тронут, просто не заметят. Иногда это спасение. Иногда — медленная смерть.

Денис задумался. Он уже понял это. По себе. По Алине. По тому, как она сжималась, когда звонила мать. Как она терпела, потому что не знала, как иначе.

— Ты говорил, что знаешь, как здесь выживать, — сказал он. — Расскажи.

Арсений долго молчал. Потом выдохнул, будто решился.

— Правила простые. Первое: не привлекай внимания. Никаких разговоров о других мирах, никаких странных слов, никаких попыток что-то доказать. Здесь это не работает. Второе: найди способ быть полезным. Люди здесь ценят тех,

кто может что-то делать. Работать руками, чинить, носить, строить. Если ты бесполезен — ты лишний. Третье: не доверяй никому, пока не проверишь. Даже тем, кто кажется близким. Особенно тем, кто напоминает тех, кого ты знал там.

Денис слушал, не перебивая. Он слышал в голосе Арсения не просто советы — выстраданное, пережитое. Каждое слово пахло горечью и годами одиночества.

— А четвёртое? — спросил он.

— А четвёртое — не теряй себя, — Арсений поднял на него глаза. — Не дай этому миру стереть то, что ты помнишь. Запределье живёт в тебе, пока ты помнишь. Как только забудешь — станешь одним из них. Обычным. Пустым.

Денис кивнул.

— Я понял.

Арсений снова отвернулся. Он смотрел на деревья, и в его лице было что-то, чего Денис не видел раньше. Не тоска. Не злость. А усталое, почти старческое смирение.

— Знаешь, я ведь ненавидел тебя, — сказал он негромко. — Долго. Десять лет я жил с этой ненавистью. Она была единственным, что не давало мне сгнить. А теперь ты сидишь рядом и говоришь, что хочешь исправить. И я не знаю, что с этим делать.

— Ты не обязан меня прощать, — сказал Денис. — Я не за этим пришёл.

— Знаю, — Арсений кивнул. — Поэтому я и говорю с тобой.

Он замолчал. Потом, не глядя на Дениса, тихо спросил:
— Как она?

Денис понял, о ком речь.

— Она не спит. Много думает. Вчера впервые сказала, что хочет вспомнить.

Арсений повернул голову. В его глазах вспыхнула искра
— та самая, которую Денис видел в первую встречу.

— Она так сказала?

— Да.

— Это серьёзно. Значит, она уже начала возвращаться. Не памятью — чем-то другим.

— Я не давлю на неё.

— И правильно. С ней нельзя давить. Она всегда была такой — если надавишь, закроется наглухо. Ей нужно, чтобы рядом был кто-то, кто не отвернётся.

Денис кивнул.

— Я хочу её увидеть, — сказал Арсений. — Не сейчас. Но скоро. Когда она будет готова. Я должен сам посмотреть на неё. Понять, что с ней стало.

— Я передам ей.

Арсений поднялся. Опираясь на палку, он сделал несколько шагов, потом остановился.

— Ты изменился, Денис.

— Возможно.

— Это хорошо. Потому что там, куда мы собираемся вернуться, прежний ты не выжил бы.

Он ушёл, не обернувшись. А Денис остался сидеть на скамейке, глядя на пустую аллею, и впервые за долгое время почувствовал что-то похожее на уверенность. Не силу. Не магию. А тихую, едва заметную опору под ногами.

День одиннадцатый. Алина

Она заметила перемены ещё утром.

Денис вышел из комнаты, и она вдруг поймала себя на том, что рассматривает его. Не так, как раньше — с опаской или любопытством, — а как-то иначе. Будто пыталась увидеть в нём то, что раньше ускользало.

Он стал увереннее держаться. Меньше сутулился. Медленнее выбирал слова, но в его движениях появилась какая-то внутренняя собранность. Он больше не выглядел человеком, который в любой момент может рухнуть. Он выглядел тем, кто учится стоять.

— Ты уходил? — спросила она, заметив, что куртка висит на крючке по-другому.

— Да. Ходил к Арсению.

— И как?

Он помолчал, прежде чем ответить.

— Странно. Мы говорили. Он рассказал, как здесь выживать.

— И ты ему веришь?

— Не до конца. Но я чувствую, что он не лжёт. Он сломлен, но не сломан. Это видно.

Алина кивнула. Она не знала, почему, но от этих слов ей

стало спокойнее.

Она ушла на работу, а вернувшись, снова заметила что-то неуловимое. На кухне было чище, чем утром. Кружка, из которой он пил, стояла на своей полке. Крошки со стола убраны. И пахло не так, как обычно, — не пылью и одиночеством, а едва уловимым теплом, будто он что-то готовил или просто долго сидел за столом.

Она не спросила. Прошла в комнату, переоделась, села на диван. Но мысли не отпускали.

Она вспомнила, как он держал ложку в первые дни — неловко, чуть боком, будто не привык к её форме. А теперь ел спокойно, как обычный человек. Она вспомнила, как он впервые наливал себе воду из чайника — и замер, глядя на струю, будто видел нечто странное. А теперь делал это не задумываясь.

«Он учится, — вдруг поняла она. — Не просто приспосабливается. Учится быть здесь».

Она поймала себя на том, что это вызывает не страх, а что-то похожее на уважение. И ещё — странное чувство, будто она уже видела его таким. Не здесь. Не в этой кухне. А где-то, где свет был другим и воздух пах иначе.

Она закрыла глаза.

Перед глазами всплыло смутное, почти неуловимое: высокие своды, много света, и он — Денис — стоит к ней спиной, расправив плечи, и говорит что-то, чего она не может разобрать. Она видит его, но как будто сквозь мутное стекло.

И чувствует, как внутри поднимается тоска — не по нему, а по тому, кем она была рядом с ним.

Видение растаяло.

Алина открыла глаза и уставилась в потолок. Сердце колотилось.

«Этого не может быть», — подумала она. — Это просто усталость».

Но где-то глубоко, под слоем усталости и недоверия, уже зарождалось то, чего она так боялась. Она начинала верить.

Вечером она сидела на кухне, крутила в руках пустую кружку и не знала, как начать.

Денис вошёл, встал в дверях. Он не спрашивал, что с ней. Просто стоял и ждал.

— Расскажи про него, — наконец сказала Алина.

— Про Арсения?

— Да. Какой он?

Денис прошёл к столу, сел напротив.

— Он усталый. Одинокий. В нём много боли, которую он прячет за язвительностью. Но он не злой. Он просто слишком долго был один.

— Он был моим учителем?

— Да. Он научил тебя тому, что ты умела. Он верил в тебя. И он до сих пор не простил мне того, что я сделал.

Алина подняла на него глаза.

— А ты сам себя простил?

Он не ответил сразу. Отвёл взгляд, уставился на свои ру-

ки.

— Нет, — сказал он тихо. — И не прощу, пока не верну тебя туда, где тебе место.

Она почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— Я хочу встретиться с ним, — сказала она.

Денис поднял на неё глаза.

— Ты уверена?

— Нет. Но если я хочу вспомнить, мне нужны доказательства. А он — единственный, кто может их дать.

— Он хочет тебя увидеть. Я передам.

Алина кивнула. Она смотрела на Дениса и вдруг поняла, что больше не хочет искать в нём подвох. Она хотела верить. Ей нужно было верить. Потому что жизнь, которую она жила до него, всё меньше походила на настоящую.

— Денис, — позвала она, когда он уже встал из-за стола.

Он обернулся.

— Я не знаю, кто ты, — сказала она. — Не знаю, кем была я. Но я хочу узнать. И... я благодарна тебе за то, что ты не ушёл.

Он посмотрел на неё так, будто её слова причинили ему боль. Но в этой боли было что-то светлое.

— Я не уйду, — сказал он. — Даже если ты попросишь.

Она не ответила. Только смотрела, как он уходит в комнату, и впервые за долгое время не стала одёргивать себя за то, что чувствует.

Что-то начинало меняться. И это было страшно. Но уже

не так, как раньше.

День двенадцатый. Алина

Она проснулась с мыслью о встрече.

Ещё до будильника, до серого света за окном, до первых звуков подъезда. Открыла глаза — и первое, что всплыло в голове: «Сегодня я увижу Арсения».

Она сама не ожидала, что это будет так сильно. Внутри всё дрожало — не от страха, а от нетерпения. Как будто она ждала этого дня не сутки, а всю свою жизнь.

Она встала, умылась, натянула свитер и вышла на кухню. Денис уже сидел за столом. Пил чай, глядя куда-то в окно. Услышав её шаги, обернулся.

— Ты не спала? — спросил он.

— Почти.

— Я вижу.

Алина села напротив. Ей не хотелось ни чая, ни еды. Она смотрела на Дениса и чувствовала, как внутри всё сжимается и разжимается, будто пружина.

— Сегодня, — сказала она. — Ты же не передумал?

— Нет.

— Я хочу встретиться с ним. После работы.

— Я договорюсь.

— Обещай мне.

Он поставил кружку на стол и посмотрел на неё внимательно. Не как раньше — с виной или осторожностью. А как человек, который понимает, что сейчас важнее всего.

— Обещаю, — сказал он. — Я буду ждать тебя после работы. Отведу к нему.

— Хорошо.

Она выдохнула. Впервые за утро.

Работа началась с того, что кто-то опять оставил на её столе чужую папку. Алина не успела снять пальто, а уже увидела её — толстую, перекошенную, с торчащими листами. Сверху — липкая записка: *«Срочно. До обеда. Олег Петрович в курсе»*.

Алина закрыла глаза.

«Господи, — подумала она. — Только не сегодня».

Она повесила пальто на спинку стула, включила компьютер и села за стол. Папка лежала перед ней, как живое существо, которое сейчас начнёт требовать, кричать, обвинять.

— Алин, ты видела? — в кабинет заглянула Лена. — Опять на тебя скинули?

— Угу.

— Может, скажешь хоть раз, что это не твоё?

— Толку.

Лена покачала головой и ушла. Алина открыла папку. Внутри были приказы, служебки, чьи-то объяснительные. Всё вперемешку. Кто-то просто вывалил ей на стол то, что не хотел делать сам.

«Я не могу так больше», — подумала она. — Но я всё равно сделаю».

И она делала.

Весь день был как вязкое болото. Звонил телефон, заходили люди, кто-то требовал справку, кто-то — выписку, кто-то — просто выговориться. Алина улыбалась, кивала, подшивала, распечатывала. А сама то и дело смотрела на часы.

10:47. Ещё долго. 12:12. Полдня. Ещё быстрее бы. 14:05. Скорее бы вечер. 15:40. Ну сколько можно.

Она не могла сосредоточиться. Руки делали привычную работу, а мысли были далеко — в старом парке, где она никогда не была, с человеком, которого не помнила, но отчего-то ждала.

— Алина, вы меня слушаете? — голос Светы из соседнего кабинета вырвал её из оцепенения.

— Что? Прости, задумалась.

— Я говорю, приказ об отпусках кто вносить будет? Опять я, что ли?

— Я внесу. Позже.

— «Позже» у нас обычно превращается в «никогда», — Света фыркнула и вышла, не дожидаясь ответа.

Алина сжала ручку так, что пластик хрустнул.

«Спокойно. Просто доживи до вечера».

Но вселенная будто решила проверить её на прочность.

После обеда её вызвал Олег Петрович.

Она вошла в его кабинет и сразу почувствовала: сейчас будет. Он сидел за столом, листал какие-то бумаги и не поднимал на неё глаза. Это было его любимое — заставить человека постоять, почувствовать себя нашкодившим школь-

ником.

— Садитесь, — бросил он.

Алина села на край стула. Спина прямая, руки на коленях. Внутри — гул.

— Я не знаю, как вы работаете, — начал он, не глядя на неё. — Я не знаю, чем вы заняты целыми днями. Но отдел кадров выглядит как проходной двор. Приказы с ошибками, сроки горят, сотрудники жалуются.

Алина молчала.

— Вы вообще понимаете, что вы — лицо отдела? — он наконец поднял на неё глаза. — И это лицо, мягко говоря, не впечатляет.

Она смотрела на него. На его краснеющую шею, на брезгливо поджатые губы, на толстые пальцы, которыми он постукивал по столу. И вдруг почувствовала, как внутри поднимается что-то холодное. Не обида. Не страх. Что-то другое.

— Олег Петрович, — сказала она. И голос прозвучал ровно. Слишком ровно. — Я могу исправить приказы. Могу разобрать папку, которую мне подбросили утром. Могу написать объяснительную по каждому просроченному сроку. Но если вы хотите, чтобы я отвечала ещё и за то, как выглядит весь отдел, дайте мне полномочия и вашу зарплату.

Он замер.

Она тоже.

В кабинете стало тихо. Так тихо, что было слышно, как за окном проехала машина.

— Что вы сказали? — переспросил он, и голос его дрогнул. Не от гнева — от неожиданности.

— Я сказала, что устала быть девочкой для битья, — она встала, поправила свитер, и в этом жесте было столько спокойствия, что Олег Петрович невольно откинулся на спинку кресла. — Если у вас есть конкретные претензии к моей работе — я готова их обсудить. Письменно. С фактами. Но если вам просто нужно на кого-то покричать, то вы ошиблись кабинетом.

Она не повысила голос. Ни на тон. И это было страшнее любого крика.

— Да как вы... — начал он, но осёкся.

Потому что Алина смотрела на него так, как никогда раньше. Без страха. Без заискивания. С ледяным, почти отстранённым спокойствием. Так смотрят не подчинённые. Так смотрят те, кто когда-то держал в руках нечто большее, чем папка с приказами.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала она. — У меня много работы. А вечером у меня важная встреча. Если вы не против.

Она вышла, не дожидаясь ответа.

В коридоре у неё подгибались ноги. Она прижалась спиной к стене и выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле.

Она не узнала себя.

Но ей понравилось.

Когда она вернулась в кабинет, там сидела Лена.

— Ты чего такая? — спросила она, глядя на Алину с тре-

вогой.

— Какая?

— Бледная. И глаза горят. Ты с Петровичем разговаривала?

— Да.

— И что?

— Ничего. Я сказала ему, что не дам на себе ездить.

Лена уставилась на неё так, будто увидела впервые.

— Алин, ты чего? С тобой всё в порядке?

— Нет, — честно ответила Алина. — Но, кажется, начинает быть.

Она села за стол, посмотрела на стопку папок и вдруг поняла, что больше не чувствует перед ними бессилия. Они были просто бумагой. Мёртвой, тихой, податливой.

А она — живой.

И она впервые за долгое время знала, что хочет не просто дожить до вечера. Она хочет пойти в старый парк, увидеть человека из своего прошлого и понять, кем она была.

И что с ней стало.

Вечером у метро её ждал Денис.

Он стоял чуть в стороне от выхода, в своей странной куртке с серебряными нитями, и смотрел на людей, будто искал в толпе её. Увидев, выпрямился.

— Ты вовремя, — сказал он.

— Я весь день считала минуты.

— Я вижу.

Она подошла ближе. Ей вдруг захотелось встать рядом и помолчать. Просто стоять, не объясняя, что случилось на работе. Но Денис, кажется, почувствовал.

— Что-то произошло? — спросил он.

— Я нахамила начальнику.

Он поднял бровь.

— Сильно?

— Достаточно, чтобы он забыл, как меня зовут.

Он смотрел на неё несколько секунд, а потом едва заметно улыбнулся — одной стороной губ.

— Это хорошо, — сказал он.

— Это страшно.

— Значит, ты возвращаешься.

Она не ответила. Но внутри что-то согласно дрогнуло.

— Пойдём, — сказал он. — Арсений ждёт.

И Алина, сделав глубокий вдох, пошла рядом с ним. В сторону старого парка, где её ждал человек, который помнил её настоящей.

Старый парк встретил их тишиной.

Деревья стояли чёрные, голые, как нарисованные углём. Дорожки не чищены, фонари не горели. Только где-то вдалеке, за оградой, шумела дорога, но здесь, внутри, было так тихо, что Алине казалось — она слышит собственное дыхание.

Денис шёл чуть впереди. Иногда оборачивался, будто проверял, не передумала ли она. Она не передумала. Но внутри

всё сжималось от волнения.

— Далеко ещё? — спросила она.

— Почти пришли.

Они свернули на аллею, где деревья росли криво, а скамейки давно просели. Впереди, у старого фонаря, стоял человек.

Алина замедлила шаг.

Он был не таким, каким она его представляла. Не высоким, не грозным. Обычный. Уставший. Опирался на палку, будто каждое движение давалось с трудом. Но когда он поднял голову и увидел её, что-то в нём изменилось.

Он выпрямился. Медленно, будто не верил своим глазам.

Алина подошла ближе и остановилась в нескольких шагах.

— Здравствуй, Алина, — сказал он. Голос был глухим, шершавым, как осенние листья под ногами.

— Здравствуйте, — ответила она.

Она смотрела на него и не узнавала. Лицо чужое, морщины у глаз, седая щетина. Пальцы, сжимающие палку, — старые, с тёмными венами. От него пахло сырой землёй и табаком. Ничего знакомого. Ничего.

И всё же внутри что-то дрогнуло.

Не в памяти. В теле. В груди. Как будто оно — тело — помнило то, чего не помнил разум.

— Ты меня не знаешь, — сказал Арсений. Это был не вопрос. — Я вижу.

— Нет, — тихо ответила Алина. — Не знаю. Простите.
Он покачал головой.

— Не извиняйся. Ты не виновата. Это я должен был сделать так, чтобы ты не забыла. Чтобы ты помнила даже здесь.

Он шагнул к ней. Один шаг. Потом ещё.

— Можно? — спросил он.

— Что?

— Обнять тебя.

Алина напряглась. Внутри всё сжалось. Она не любила объятий. Ни с кем. Даже с подругой Леной. Даже с матерью, которая душила своей заботой и упрёками одновременно.

— Я не... — начала она, но Арсений уже сделал ещё шаг. И обнял.

Она замерла. Руки повисли вдоль тела. В первое мгновение ей захотелось отстраниться, вывернуться, сказать что-нибудь резкое, как она обычно делала, когда кто-то нарушал её границы.

Но он держал её нежно. Бережно. Как держат не взрослую женщину, а ребёнка, которого только что нашли после долгой разлуки.

— Девочка моя, — прошептал он куда-то ей в волосы. — Ты жива. Ты здесь.

И тогда в Алине что-то случилось.

Она почувствовала, как из глубины поднимается тёплое, давно забытое, почти забытое чувство. Оно шло не из головы. Оно шло изнутри, из самого нутра, откуда-то из-под рё-

бер. Как будто внутри неё открылась дверь, о которой она не знала.

Ей стало тепло.

Не жарко. Не душно. А именно тепло — так, как бывает в детстве, когда тебя укрывают одеялом перед сном. Когда чья-то ладонь ложится на лоб. Когда тебя зовут не по имени, а «доча».

Она не помнила такого.

С матерью у неё никогда не было этого. Объятия были — были короткие, скупые, чаще всего после скандалов, как прощение, которое нужно заслужить. А вот такого — тихого, безусловного, без слов — не было.

— Я вас не помню, — прошептала она, и голос дрогнул.

— Знаю, — ответил он, не разжимая рук. — Но это неважно. Ты здесь. И это главное.

Она стояла и чувствовала, как по щекам катятся слёзы. Она не замечала их. Просто стояла и дышала, уткнувшись лицом в его старое пальто, пахнущее сыростью, табаком и чем-то тёплым. Чем-то, что она знала. Всегда знала. Но забыла.

Денис стоял в стороне и не вмешивался. Он смотрел на них, и в его груди что-то сжималось. Он видел, как Алина — колючая, замкнутая, не подпускающая никого — позволила обнять себя. И впервые за долгое время он почувствовал не вину. А надежду.

Арсений отстранился первым. Но не отстранился, а про-

сто чуть отодвинулся, чтобы посмотреть ей в лицо. Его глаза были влажными.

— Ты так похожа на неё, — сказал он.

— На кого?

— На ту, кем ты была. Не внешне. Внешне ты изменилась. Но вот это, — он чуть коснулся пальцем её лба, — это всё ещё ты. Сильная. Честная. И очень одинокая.

Алина молчала. Слезы ещё текли, но она не вытирала их. Ей было не стыдно. Ей было впервые за долгое время спокойно.

— Я не знаю, что со мной, — сказала она. — Я не знаю, почему плачу. Я вас не помню, но... внутри всё дрожит.

— Это память, — тихо сказал Арсений. — Она не в голове. Она глубже. И она сейчас просыпается.

Он взял её за руку. Осторожно, как берут за руку ребёнка, чтобы перевести через дорогу.

— Мы не будем торопиться, — сказал он. — Я не стану вываливать на тебя всё сразу. Просто посидим. Поговорим. Или помолчим. Как ты захочешь.

Она кивнула.

Они сели на старую скамейку. Денис остался стоять чуть поодаль, не мешая.

Арсений не задавал вопросов. Он просто сидел рядом, не выпуская её руки, и молчал. Алина смотрела на чёрные ветки деревьев, на тёмное небо, на редкие звёзды, которые проглядывали сквозь облака, и впервые за много лет не чувство-

вала себя лишней.

— Я сегодня накричала на начальника, — вдруг сказала она. Сама не зная, зачем.

Арсений повернул к ней голову.

— И как?

— Странно. Я не узнала себя. Но мне понравилось.

— Это была не ты, — сказал он.

Она нахмурилась.

— То есть?

— Это была ты настоящая. Та, которую здесь задавили. Она не кричала. Она просто не позволила собой пользоваться.

Алина смотрела на него и не знала, что ответить.

— Вы говорите так, будто знаете меня лучше, чем я сама.

— Знаю, — спокойно ответил Арсений. — Десять лет я помнил тебя каждый день. Ты была моей ученицей. Самой лучшей. И самой упрямой.

— И что я умела?

— Ты умела видеть. Не глазами. Внутри. Ты видела, где у мира тонкие места. Где можно открыть проход. Где течёт сила.

— Сила? Магия?

— Да. И ты была очень сильной. Не потому, что много знала. А потому, что не боялась.

Она усмехнулась.

— Тогда я сильно изменилась. Я боюсь всего.

— Это не страх, — сказал Арсений. — Это пыль. Она налипла на тебя здесь. Но ты уже начала её стряхивать.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Почему вы не злитесь на меня за то, что я не помню?

— Потому что ты не виновата.

— А кто виноват?

Он не ответил. Только покосился на Дениса, стоящего в стороне. Алина перехватила этот взгляд.

— Он говорил, что отправил меня сюда, — сказала она.

— Что поверил лжи.

— Это правда.

— И вы его за это ненавидели?

Арсений помолчал.

— Десять лет я жил с ненавистью. А теперь не хочу. Она сжирает изнутри. А мне ещё нужно успеть сделать то, ради чего я остался жив.

— Что?

— Вернуть тебя.

Алина почувствовала, как внутри снова что-то дрогнуло. Она не знала, верить ли. Но тело уже верило. Оно помнило этого человека. Помнило его голос, его запах, его прикосновение.

— Я попробую, — сказала она. — Вспомнить. Не ради вас. И не ради него. Ради себя.

Арсений сжал её руку.

— Это всё, о чём я прошу.

Они просидели в парке ещё долго. Арсений рассказывал о том, как выживал в этом мире, как искал её, как не терял надежду. Алина слушала, задавала вопросы, иногда замолкала и просто смотрела на него. И в этой тишине было больше близости, чем в разговорах с матерью за всю жизнь.

Когда они прощались, Арсений снова обнял её. Уже не так крепко, но так же тепло.

— Ты придёшь ещё? — спросил он.

— Приду.

— Тогда я буду ждать.

Она пошла по аллее, не оборачиваясь. Но спиной чувствовала его взгляд — тёплый, как отцовский.

Денис догнал её у выхода из парка.

— Ну как? — спросил он.

— Я не знаю, — честно сказала она. — Я его не помню. Но я... я будто почувствовала что-то.

— Это память, — сказал он. — Она уже просыпается.

Она остановилась и посмотрела на него.

— А если я вспомню и не смогу простить тебя?

Он спокойно выдержал её взгляд.

— Я это переживу.

— А если я не вспомню?

— Тогда я останусь рядом. И буду ждать.

Алина не ответила. Она пошла дальше, а в груди у неё ещё долго не гасло то тепло, которое оставил после себя Арсений. И вместе с ним росло странное, почти забытое чувство.

Так, наверное, чувствует себя человек, который после долгой зимы вдруг замечает, что на деревьях набухли почки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.